

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
ДЖОНА АПДАЙКА
В СЕРИИ АЗБУКА-PREMIUM

Иствикские ведьмы

Иствикские вдовы

ДЖОН АПДАЙК

ИСТВИКСКИЕ ВДОВЫ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
А 76

John Updike
THE WIDOWS OF EASTWICK
Copyright © 2008, The Estate of John Updike
Published by arrangement with The Knopf Doubleday Publishing Group,
a division of Random House, Inc.
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Дорониной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Апдайк Дж.

А 76 Иствикские вдовы : роман / Джон Апдайк ; пер. с англ. И. Дорониной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-09783-4

Триумфальное возвращение дьявольской троицы ведьм из города Иствика! Продолжение знаменитой истории, написанное Апдайком двадцать четыре года спустя после «Иствикских ведьм», стало последним произведением американского классика. Александра, Джейн и Сьюки давно не живут в Иствике, однако ни одна из них не может забыть о невероятных событиях, приключившихся с ними много лет назад. И вот, похоронив своих последних мужей, ведьмы решают отправиться в места былой славы, не подозревая, какие удивительные события ждут их на этот раз.

Созданный Апдайком в 76 лет (за год до смерти), роман «Иствикские вдовы» подводит черту под всем творчеством писателя, в нем пронзительно звучит мотив встречи с собственным прошлым, а также убеждение в том, что жизнь прекрасна и удивительна независимо от возраста человека.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© И. Дорониная, перевод, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-09783-4

Тогда не смеют шелохнуться духи,
Целебны ночи, не разят планеты,
Безвредны феи, ведьмы не чаруют, —
Так благостно и свято это время.

У. Шекспир. Гамлет, акт I, сцена 1

I. Возрожденный шабаш

Те из нас, кому была известна их омерзительная и скандальная история, не удивились, когда из разных мест, где ведьмы обосновались, сбежав из нашего милого городка Иствик, штат Род-Айленд, стали доноситься слухи о том, что мужья, которых эти три богооставленные женщины состряпали себе с помощью своих темных чар, оказались недолговечными. Нечестивые методы дают слабый результат. Да, Сатана симулирует творение, но низкопробными средствами.

Александра, старшая по возрасту, самая дородная по комплекции и наиболее близкая по характеру к нормальной человеческой натуре, овдовела первой. Как случается с очень многими женщинами, внезапно обретшими свободу одиночества, первым ее порывом было — пуститься в путешествия, как будто широкий мир, познаваемый посредством эфемерных посадочных талонов, томительного откладывания рейсов и неотчетливого, но, безусловно, существующего риска полетов во времена растущих цен на горючее, угрозы банкротства авиакомпаний, наличия террористов-самоубийц и накапливающейся усталости металла, способен принести плодотворное воздаяние за неутихающее желание иметь спутника жизни. Джима Фарландера, мужа, которого она себе колдовским способом сотворила из выдолбленной тыквы, ковбойской шляпы и щепотки земли с Запада, соскобленной с заднего крыла пикапа с колорадскими номерами, замеченного ею припаркованным на Оук-стрит в начале семидесятых и выглядевшего там на удивление неуместно, когда их брак устаканился и окреп,

оказалось почти невозможно оторвать от его гончарной мастерской и редко посещаемой покупателями керамической лавки, находившейся в захолустном переулке в округе Таос, Нью-Мексико.

Представление Джима о путешествиях ограничивалось часовой поездкой на юг, в Санта-Фе; его представление о выходных — днем, проведенным в одной из индейских резерваций — навахо, зуни, апачи, акома или ислета пуэбло, — где он высматривал, что предлагают в своих сувенирных гончарных магазинчиках американские аборигены. Он всегда надеялся задешево прикупить найденный в таком магазинчике, в каком-нибудь запыленном индейском шкафу, подлинный старинный кувшин с типичным для племени пуэбло черно-белым геометрическим узором или хохокамский красно-желто-коричневый сосуд для хранения жидкостей, с орнаментом из сложнопереплетенных спиралей, который он смог бы за небольшое состояние всучить недавно благодетельствованному пожертвованиями музею одного из буржуазных курортных городков юго-запада. Джиму нравилось сидеть на месте, и Александра это в нем любила, поскольку, будучи его женой, являлась частью этого места. Она любила его за стройность и статью (у него до самого дня смерти был плоский живот, притом что он никогда в жизни не делал никакой гимнастики), ей был приятен седельный запах его пота и глиняный дух, который, словно изображенная легкой сепией аура, навечно прирос к его сильным и умелым рукам. Они познакомились — на естественном уровне, — когда она, уже некоторое время состоявшая в разводе, слушала курс в род-айлендской Школе изобразительных искусств, где он временно преподавал. Четверо пасынков и падчериц — Марси, Бен, Линда, Эрик, — которых она взвалила ему на шею, не могли и мечтать о более спокойном, более умиротворяющем, молчаливом заместителе отца. С ним ее детям — в любом случае уже наполовину вылетевшим из гнезда, Марси к тому времени сравнялось восемнадцать — было легче ладить, чем с собственным отцом, Освальдом Спиффордом, коро-

тышкой — поставщиком кухонного оборудования из Нориджа, штат Коннектикут. Бедолага Оззи так самозабвенно участвовал в деятельности бейсбольной Лиги мальшей и играл в кегли за команду сантехнической компании, что никто, даже его собственные дети, не принимал его всерьез.

Джима Фарландера люди, особенно женщины и дети, принимали даже очень всерьез, отвечая на его хладнокровную молчаливость такой же сдержанностью. Его спокойные серые глаза мерцали, как вороненая сталь, из-под отбрасывавшей тень на лицо широкополой шляпы, туля которой потемнела там, где он обычно прикасался к ней большим и указательным пальцами. Работая за гончарным кругом, он обвязывал голову вылинявшей голубой банданой, чтобы собранные на затылке в конский хвост восьмидюймовой длины волосы — поседевшие, но все еще перемежавшиеся прядями натурального выгоревшего на солнце золотисто-каштанового цвета — не попали в мокрую глину, вращающуюся на круге, который приводился в движение ногой. Еще подростком упав с лошади, Джим остался хромым, и круг, который он отказывался снабдить электрическим приводом, хромал вместе с ним, пока из вращения бесформенного куска глины его мускулистые, сильные руки формировали, вытягивая вверх, изящные сосуды со стройными талиями и пышными задками.

Приближение его смерти Александра впервые почувствовала в постели. Его эрекция начинала увядать, стоило ей достичь кульминации раньше, чем он; тогда осязаемо чувствовалось, как в сплетении мышц его лежащего на ней тела наступает расслабление. Было некое вызывающее изящество в его манере одеваться: остроносые ботинки ванильного цвета, плотно облегающие джинсы с множеством заклепок на карманах и хрустящие клетчатые рубашки с манжетами на двух пуговках. Когда-то бывший в своем роде денди, он теперь позволял себе носить одну и ту же рубашку два, а то и три дня кряду. На скулах стали заметны белые волоски, остававшиеся после бритья то ли от небрежности, то ли по причине плохого зрения. Когда

из больницы начали приходить зловеще плохие результаты анализов крови и затемнения на рентгеновских снимках стали очевидны даже ее непрофессиональному взгляду, он встретил это известие со стоической апатией; Александре приходилось вести с ним настоящую борьбу, чтобы заставить сменить задубевшую рабочую одежду на что-нибудь более приличное. Они влились в ряды пожилых супружеских пар, которые заполняют приемные покои больниц, где из-за нервного состояния сидят тихо, как родители с детьми перед показательными выступлениями в школьном отчетном концерте. Александра замечала, как другие пары праздно глазят на них, пытаясь догадаться, который из супругов болен и обречен; ей не хотелось, чтобы это всем было понятно. Она, словно мать, впервые ведущая ребенка в школу, старалась, чтобы Джим выглядел как можно лучше; это было для нее делом чести. Те тридцать с лишком лет, что минули после того, как она покинула Иствик, они прожили, по своим собственным правилам, в Таосе; там вольный дух Лоуренсов и Мейбл Додж Лухан¹ все еще осенял спасительной тенью останки племени художников-эпигонов — сильно пьющую компанию суеверных в духе новой эры кустарей, которые с печалью все больше и больше предназначали свои изделия, выставленные в витринах собственных магазинов, скорее на потребу скаредным невзыскательным туристам, нежели на суд богатых местных коллекционеров юго-западного искусства. Александра возобновила было производство своих керамических «малышек», которых так приятно держать в руках, — безлицых, безногих женских фигурок в грубо намалеванной одежде, скорее напоминавшей татуировку, — но Джим, в искусстве будучи, как и все художники, ревнивым диктатором, мягко выражаясь, не горел вели-

---

¹ *Мэйбл Додж Лухан* — известная аристократка и интеллектуалка, чьи салоны в Нью-Йорке и Флоренции привлекали артистическую и интеллектуальную элиту. Ее друзьями были Пабло Пикассо, Гертруда Стайн, Андре Жид, Артур Рубинштейн, Джон Рид. — *Здесь и далее примеч. перев.*

кодушным желанием делить с ней свою печь для обжига. Так или иначе, миниатюрные женщины с расщелиной гениталий, смело впечатанной в глину с помощью зубочистки или пилки для ногтей, принадлежали неуютному предыдущему периоду ее жизни, когда она с двумя другими род-айлендскими разведенками, не имея достаточного опыта, практиковала обывательскую разновидность колдовства.

Болезнь Джима заставила и ее, и его покинуть безопасный приют эстетствующего Таоса и вывела в более широкий мир, в долины хворых, к огромному стаду, бегущему, словно ударившиеся в панику бизоны, навстречу гибельному обрыву. Вынужденная социализация — беседы с врачами, большинство из которых вселяли тревогу своей молодостью; стычки с медсестрами, от которых приходилось требовать сострадания и внимания, поскольку госпитализированный пациент был слишком подавлен и слишком по-мужски горд, чтобы просить о чем-то самому; необходимость выказывать сочувствие другим, находившимся в таком же положении, как и она, тем, кому вот-вот предстояло овдоветь, — еще недавно она избегала встреч с такими людьми на улице, а теперь обнималась и плакала вместе с ними в антисанитарных больничных коридорах, — все это подготовило ее к путешествиям в компании незнакомцев.

Прежде она никогда не поверила бы, что с уходом Джима образуется такая пустота: его отсутствие по утрам было оглушительным, как крик петуха на рассвете; и ей все еще казалось, что свои вечерние невозвращения он может в любой момент отменить шаркающим звуком ботинок, в которых, хромая, пройдет через переднюю, или скрипом гончарного круга, который донесется из мастерской. Через три месяца после его смерти Александра записалась на десятидневный тур по канадской части Скалистых гор. Ее прежнему замужнему избалованному «я» богемной снобки, гордившейся небрежной мужской манерой одеваться и исключительной приватностью образа жизни, предстояло

подвергнуться шпионскому вторжению со стороны притворного товарищества организованной туристской группы. Она предвидела ежедневную обязанность вставать в определенное время, набивать желудок в гостиничном буфете самообслуживания, перед тем как отправиться на осмотр дневной порции чудес, и попытки преодолеть, непреодолимое впрочем, желание вздремнуть в качающемся автобусе, сидя в липкой близости к чужому телу — обычно телу другой отважной вдовы, страдающей избыточным весом и бессовестно болтливой. За этим последуют наполненные беспокойными шорохами и таинственными красными огоньками бессонные часы в широченной кровати, предназначенной для двоих. Гостиничные подушки всегда бывают набиты слишком плотно, и голова покоится на них слишком высоко, так что просыпаться она будет словно с похмелья, с затекшей шеей, удивленная тем, что ей вообще удалось заснуть. Соседняя подушка останется непрямой. И до ее сознания каждое утро будет доходить, что она никогда больше не станет половинкой супружеской четы.

Но, будучи родом из Колорадо, Александра находила занятной идею проехать через Скалистые горы на север, в другую страну, волнующий и яркий пейзаж которой не тешил ненасытного тщеславия Соединенных Штатов. Канада, как оказалось, обладала и другими достоинствами: тамошние аэропорты не поддались искушению повсюду устанавливать телевизоры, из которых непрерывно изливается неотвратимое бормотание; привычный североамериканский говор смягчен здесь несколькими выжившими шотландскими гласными, а архитектура общественных зданий являет образец имперской степенности в серых тонах. Подобная национальная идентичность есть следствие разумного духа делового предпринимательства и скрепляет провинции, словно гигантские бусины, нанизанные на единую железнодорожную линию, куда лучше любых евангелических проповедей о Явном Предначертании Судьбы — явном только для ее англопреступников, которые метнули слипшийся комок Соединенных Штатов на запад,

а потом и дальше, через все океаны, туда, где их солдаты-мальчишки теряли конечности и умирали. Ежедневная дань, которую смерть собирала в Ираке, кого угодно была способна сделать эскапистом.

С другой стороны, в канадских ресторанах, видимо, бытовало мнение, что Фрэнк Синатра и Нат «Кинг» Коул — последнее слово в музыкальном сопровождении действительности, а гигантские круизные лайнеры, стоявшие в доках Ванкувера, направлялись оттуда лишь на пугающе холодную Аляску. Канада, чьи тундра, ледяные просторы и протянувшиеся на много миль леса спрессовывали ее население вдоль сорок девятой параллели, в порядке самозащиты лелеяла Природу, пытаясь сделать из нее домашнего любимца, и ради туристских долларов разрабатывала жилу ностальгии и добродетельности, которые сами по себе изначально свойственны человеку. Вернуть Природу — кто бы стал против этого возражать? Однако, с точки зрения Александры, в тотемных столбах и американских лосях было что-то неистребимо буржуазное. Она чувствовала себя здесь словно запертой на чердаке, набитом звериными чучелами. Природа была ее союзницей по колдовству, и все же она не доверяла ей, как не доверяют бессовестному убийце, моту и слепцу.

Проведя день в Ванкувере и еще один — в очень экстравагантной Виктории, вся группа — сорок путешественников, среди которых не было ни одного молодого, а восемь человек были австралийцами, — погрузилась в спальный поезд и в ночи потащилась на север. Проснулись они в горах, слепивших желтизной мелькавших за окнами осин. Для группы был зарезервирован специальный экскурсионный вагон; неуверенно вошедшую в него после плотного завтрака, который подавали в вагоне-ресторане балансировавшие на ходу официанты, Александру уже занявшие свои места супружеские пары приветствовали нерешительными улыбками. Она села на одно из немногих оставшихся свободными мест и отчетливо ощутила пустоту сбоку от себя, как будто из-за огромного безобразного нароста на щеке лицо ее утратило симметрию.

Впрочем, ей все равно никогда не удалось бы уговорить Джима пуститься в подобную авантюру. Он терпеть не мог другие страны, даже Виргинские острова, куда в первые годы их брака она несколько раз смогла-таки заставить его ее повезти, чтобы отдохнуть от долгой таосской зимы и пробок, которые в лыжный сезон постоянно возникали на дороге 552. Они прибыли тогда в Сент-Томас в арендованном «фольксвагене-жуке» ближе к концу дня и, как оказалось, попали в вечерний час пик, при этом Джиму впервые в жизни пришлось вести машину по левой стороне шоссе. Хуже того, их окружали чернокожие водители, находившие расистское удовольствие в том, чтобы вплотную прижиматься к ним бамперами и выражать свое недовольство по поводу малейшего проявления Джимом шоферской нерешительности долгим и презрительным гудением клаксонов. Хотя в конце концов им удалось найти свой пансионат в конце дороги, на которой почти не было дорожных знаков, Джим обгорел в первый же день, презрительно отвергнув ее неоднократные предложения помазаться солнцезащитным кремом, и они едва не умерли, отравившись каким-то салатом с моллюсками. С тех пор каждый раз, чувствуя себя побежденным в обмене претензиями, он напоминал ей во всех подробностях о той неделе, которая чуть не угробила его — за двадцать пять лет до того, как он действительно умер.

Здесь, в канадских горах, не было видно ни машин, ни даже дорог, только рельсы и туннели, через которые поезд натужно тащил их все выше в горы, обрызганные золотом трепещущей осенней листвы.

— Это пик Робсона! — взволнованно сообщила мужу женщина, сидевшая позади Александры.

Австралиец, занимавший кресло через проход от нее, пытаясь выказать дружелюбие, повторил:

— Впереди пик Робсона, — словно она была не только одинокой, но и туговатой на ухо.

Другой голос, из-за его спины, не австралийский, менее энергичный, чуть тронутый акцентом, характерным для

американского Юга, принялся объяснять ей — все остальные при этом внезапно сделались очень заботливыми, словно обращались с дефективным:

— Это самая высокая вершина в канадских Скалистых горах.

— Вот как? Уже? — воскликнула Александра и, сообразив, что прозвучало это глупо, попыталась перевести все в шутку: — Я имею в виду... я думала, что его приберегут напоследок.

Никто не засмеялся — может, не услышал или не понял ее шутки. Поезд как раз втягивался в длинный поворот, и сияющая вершина горы скрылась из виду за чашей осин; пик имел на удивление правильную форму — как пирамидка из детского конструктора, только белая.

— Какая у него высота? — громко поинтересовалась Александра, решительно настроенная побороть ощущение, будто ее здесь нет.

И снова вызвала к жизни утишающую интонацию.

— Почти четыре тысячи метров, — вызвался ответить австралийский голос.

Она затруднилась перевести эту информацию из метрической системы в понятную, но, позаимствовав немного ксенофобии у покойного мужа, вообще отказалась от попытки. Чуточку южноамериканский голос понял это и пояснил:

— Это около тринадцати тысяч футов, мэм.

— Бог ты мой! — воскликнула Александра, начиная получать удовольствие от собственной неосведомленности. Она повернула голову, чтобы посмотреть на своего «просветителя». Тот оказался долговязым, как Джим, с худощавым лицом, покрытым глубокими складками, и с усами, достаточно длинными, чтобы кончики чуточку свисали. Его одежда — вылинявшие облегающие синие джинсы и рубашка в красную клетку с длинными рукавами — тоже напоминала о Джиме.

— Благодарю вас, — сказала она более тепло, чем намекалась. Возможно, этот мужчина с печальным достоинством в облике был вдовцом. Или пребывал в ожидании,

что какая-нибудь «неходовая» жена составит ему компанию в этом экскурсионном вагоне.

— Пика Робсона нет в программе нашего тура, — втолковывала Александре сидевшая у нее за спиной жена, она говорила ей прямо в ухо проникновенным, немного раздражающим голосом. — Он находится в другом национальном парке, не в Джаспере.

— Похоже, я плохо выполнила домашнее задание, — покаянным тоном ответила Александра, испытывая приступ гнева — застарелого, несдерживаемого, ведьмовского, убийственно-безумного гнева, который, как ей казалось, она давно переросла. Почему у этой женщины, заурядной и сварливой, судя по голосу, есть живой муж, а у нее, Александры, нет, и почему она сидит здесь, со всех сторон открытая для благожелательного вторжения чужих людей?

— Я тоже так делаю, — ободрил ее австралиец. — Учусь по ходу дела. Это моя жена загодя читает книжки.

— И следит за тем, чтобы не забыть билеты и паспорта, ленивый засранец, — шутливо парировала его жена натренированным тоном завзятой жалобщицы.

Поезд, катившийся более гладко, чем американские поезда, поскольку Канадские национальные железные дороги клепают и поддерживают в хорошем состоянии правительство, продолжал, рассекая носом воздух, забираться все выше к небу. Пик Робсона снова появился над линией деревьев, теперь его белизна была исчерчена черными полосами — лишенными снежного покрова заплатами, гранеными так, словно пик был до некоторой степени высечен, как кремневое орудие первобытного человека. Пронзительно-кобальтовая синева открыточного неба давила на эти вогнутые контуры, пока пик не исчез снова за волнами желтой листвы.

— Здесь сказано, — громко оповестила австралийская жена, уткнувшись в путеводитель, — что впервые пик был покорен в тысяча девятьсот тринадцатом году каким-то типом из Австралии по фамилии Каин. Ка-а-и-эн. Здесь также говорится, что канадские горновосходители не любят,

когда иностранцы первыми покоряют их горы. Утерли мы им их красные носы.

Александра вздохнула и опустила веки, решив, что с нее достаточно. Она хотела освободить их всех от необходимости и дальше оказывать ей внимание. Высокий рост, несколько широковатая кость, густая каштановая шевелюра, до сих пор поседевшая лишь отчасти, в молодости придавали ей осанистый вид, теперь же, когда она стала старой и одинокой, эти особенности бросались в глаза, и это ее смущало. Каин, Каин, думала она, первый человек, совершивший настоящий грех, куда худший, чем съесть яблоко с древа познания. Зарезал брата, Авеля.

Тридцать лет назад Александра умертвила сестру-ведьму: они со Сьюки Ружмонт и Джейн Смарт убили малышку Дженни Гейбриел, хотя в свидетельстве о смерти причиной кончины были названы метастазы злокачественной опухоли яичников. Это проклятие навсегда осталось с Александрой и мрачно глодало ее изнутри, даже когда она бодрствовала. Однако, ничтожное, как земляной червь, в дневное время, по ночам, во сне, оно разрасталось и грозило заживо сожрать ее. Сны снова и снова возвращали ее к тому сумасшедшему периоду ее жизни, когда Даррил ван Хорн взял в жены не одну из них трех, а более молодую женщину, светловолосую, с кожей цвета слоновой кости, с невинными голубыми, как лед, глазами — слишком, черт возьми, невинную, как казалось более зрелым ведьмам. Будь Дженни менее невинна, будь она такой же порочной, как они, они смирились бы с тем, что она обошла их, выйдя замуж за человека, который, как выяснилось в конце концов, был безразличен к женщинам и даже не богат, как, поддавшись внушению, думали они поначалу, поскольку то была бы игра равных партнеров. Они сами вымыслили того мужчину, состряпали из собственных представлений и чаяний.

Во сне Александра часто, ступая замерзшими ногами по предательски болотистой, кочковатой земле, искала в зарослях ежевики нечто убийственное — обернутое

в фольгу восковое яйцо смерти, которое, если его найти, могло предотвратить кончину Дженни. Она его так и не нашла, иногда ей снилось, что она принимает за него мячик для гольфа, перепачканный продуктами чьей-то жизнедеятельности, а иногда — крохотный скелет человеческого младенца, умершего от голода и холода. Тогда она просыпалась, вздрогнув от испуга, и вспоминала о своих детях, о том, как наплевательски относилась к ним, как пренебрегала ими, хотя все четверо были живы, но обитали далеко от нее, в четырех разных штатах, со своими собственными детьми и болезнями среднего возраста. Они были вне пределов ее досягаемости, она не могла ни помочь, ни навредить им, ее воспитание, сколь угодно несовершенное, теперь не было над ними властно. Грехи не давали ей уснуть. Когда-то здесь, рядом, лежало теплое длинноногое тело Джима, его шумное от курения дыхание оглашало хрипами тьму, его прокисший мужской запах наполнял кубическое пространство спальни, ночную черноту прямоугольных окон которой выбеливал лунный свет. Его интимное присутствие останавливало бешеный поток неконтролируемого ужаса из сновидений, который плющил ее более молодое «я», как вода, неотвратимо заполняющая запертую снаружи каюту тонущего корабля; события тех времен путались, но были безошибочно узнаваемы, она отчаянно желала отменить сделанное, ее душа оставалась навечно законсервированной в чувстве вины, как эмбрион со впеврившимися в вас открытыми глазами — в формальдегиде.

По мере того как зрочки ее блуждали по комнате в поисках клочков света, она начинала понимать, что те, бывшие обстоятельства давно минули. Дженни Гейбриел мертва — как тот маленький скелет из ее сна, — а мужчина, похрапывающий у нее под боком, — ее мужчина, муж, который по-своему, отвлеченно, любит ее той любовью, которая остается у него от его драгоценных горшков и ваз с их чувственными губами-горлышками и гибкими талиями. Ни один мужчина не способен любить так, как любит женщина, у мужчин для этого нет необходимого органа. Сбежав из Иствика, Александра решила впредь быть хорошей женой,

лучшей, чем она была для бедного Оззи. Когда в те первые годы их совместной жизни Джим возвращался из «Орлиного гнезда» или «Трех Педро», благоухая алкоголем и не без бравады отвечая на ее вопросы о вероятных встречах с другими женщинами, она подавляла свои чувства, по предыдущему опыту зная, как может отравлять душу ревность собственницы. И вечеров, которые он проводил вдали от нее, становилось все меньше; он понимал, каких усилий ей стоит прощать его, и, в свою очередь, пусть нехотя, платил ей за это большим уважением и становился более ручным.

Теперь иствикские воспоминания продолжали накатывать вновь и вновь, но сухопарого тела Джима не было рядом, когда она от них пробуждалась, реальность составлял гостиничный номер, в котором пожилая женщина развешивала для просушки свое старомодное белье размера XL на веревке в ванной комнате. Красные огоньки, как глаза маленьких драконов, мерцали изо всех углов, означая что-то ей неведомое. Противопожарная сигнализация, догадалась она. Или предупреждение о разряжающейся батарее. Или о какой-то необъяснимой опасности. Видя в зеркале бледное облако собственного отражения, она чувствовала себя бесформенной в своей ночнушке. Ее тело под ней издавало тот сладчайший душок, какой бывает, когда варишь цветную капусту, или какой исходит от изнаночной стороны клеенки, — такой запах она, бывало, улавливала своим чувствительным детским носом у своей бабушки. Утерли их красные носы, как сказала эта австралийская сука.

По мере того как туристский маршрут разворачивался далее на юг, от Джаспера к Калгари, через ряд огромных старых курортных отелей, разбросанных повсюду канадским честолюбием и старательно оформленных искусными шотландскими мастерами, Александра все пристальнее присматривалась к долговязому мужчине с усами и южным акцентом. Будучи единственными в группе одиночками, они неизбежно оказывались рядом по дороге к смотровым площадкам и пунктам чудовищного обжорства, зачастую сидели за одним столом, хотя всегда в компании

других туристов. Легче всего было подсесть к низкорослой азиатской чете — тайванцу и малайке, — всегда радостно готовой поболтать, но труднопонимаемой; к ним присоединиться было гораздо легче, чем к другим американцам, которые нюхом чуяли в Александре нечто оккультное и отталкивающее и догадывались, что их приземленно-самодовольное умонастроение и простонародный жаргон вызывают у нее снобистское презрение, и легче, чем к восьмерке австралийцев — красивых, состоятельных и нагло счастливых, оттого что хоть на несколько недель удалось вырваться из своей Антиподии. Проев и пропив себе дорогу через Скалистые горы, они собирались отправиться дальше, пожирать Техас с его стейками и родео, а потом — в Новую Англию с ее лобстерами и пышной зеленью.

— Однако, — заметила Александра, обращаясь к одной чете — некоему типу и его бабенке, являвшим собой два тендерных аспекта одной и той же закаленной австралийской индивидуальности, — лучшая часть сезона к тому времени может быть уже позади.

— Ну, кое-что кое-где все же останется, — бодро ответил мужчина. — А мы, так и быть, экстраполируем.

— В нашем путеводителе, — подхватила его жена, — сказано, что там все зеленеет до середины ноября. Нам смерть как хочется увидеть эти прелестные деревенские лужайки с белыми пуританскими церквями.

— Многие из них за минувшие годы сгорели дотла, — сообщила супругам Александра с горячностью, поразившей ее самое, — и на их месте возведены уродливые уцененные «мыльные пузыри» из стекла и стали или типовые сборные треугольники. Или вообще ничего не возведено. Новая Англия не так религиозна, как остальная страна.

Взгляды супругов, представивших себе эту удручающую картину, остекленели, и Александра, раскаявшись, подбодрила их, уже в спину:

— Вы чудесно проведете там время! Непременно попробуйте жареных моллюсков.

Азиатская пара тоже произвела на нее большое впечатление своим аппетитом. Маленькие и подтянутые, в буфете, где сервировали завтрак, они горой накладывали на тарелки оладьи, сосиски и какие-то безымянные восточные деликатесы (Канада старалась угодить Азии, своей ближайшей соседке по Тихому океану), их улыбающиеся губы лоснились от масляной пищи. Они изводили пленку за пленкой и не пропускали ни одной самой незначительной пешей прогулки или организованного похода по магазинам. В Джаспере, отважно пустившись в одиночку в обход маленького озера, на берегу которого стоял отель, Александра свернула на дорожку, приведшую ее к полю для гольфа, ухоженному, но пустовавшему. Это было странно; но тут она увидела знакомую чету азиатов, крохотную в сужающейся зеленой перспективе, супруги весело шли ей навстречу, выкрикивая загадочное слово, которое звучало как: «Забрудились! Забрудились!»

Когда они подошли ближе, жена-малайка, чье английское произношение было все же получше, объяснила:

— Мы сдерари ошибку. Там, сзади, хитрый поворот. Мы встретири рабочего. Он нам сказар, не очень вежливо, это частное поре для горьфа. Он сказар идти назад, на грунтовую дорогу — и вокруг озера.

— Вы тоже забрудились! — сообщил ее муж с триумфальной улыбкой.

Александра поймала себя на том, что почему-то краснеет и чувствует себя уныло-апатичной, нависая над этой энергичной парой, которую было невозможно обескуражить. Втроем они зашагали обратно к безлюдной дороге мимо неподвижной живой изгороди из кустов, покрытых утренней росой, мимо глубокого песчаного бункера-ловушки без единого отпечатавшегося следа, мимо свежekoшенного пяточка с метками для установки первого мяча, коими служили обточенные водой камни с берега озера, выкрашенные в разные цвета — для разного класса игроков. Изгнанные из этого искусственного рая, они вернулись

на грунтовую дорогу, не имевшую никаких указателей; Александра повернула направо, супруги поспешили налево, чтобы не опоздать на автобус до горного трамвайчика, который должен был доставить их к некоему прославленному виду, имевшему место за много миль от их временного приюта. Снова оказавшись одна, Александра задумалась об аппетите к жизни и о том, не являются ли его недостаток у нее самой и приступы тошноты, которые время от времени безо всякой причины одолевали ее, симптомами болезни. Она всегда панически боялась рака, особенно теперь, ведь более чем за семьдесят лет ее клетки могли изменить свой код и ожить в ее венах с бешеной страстью к размножению.

Дорога перешла в тропу, углубившуюся в лес: сизые канадские ели, дугласские пихты, белые американские березы, трепетные осины, пена безымянного подлеска, на солнечных местах — густая поросль широкохвойных сосен, прямых и стройных, иные из них, задушенные собственной тенью, попадали в озеро, захлабив берег, где дробные волны набрасывали сетку преломленных солнечных лучей на мелкое дно, высланное округлыми камнями. Тяжело отдувающиеся пухлые девушки, бегущие трусцой, и чета туристов, квебекцев с шишковатыми пальцами, должно быть еще более старых, чем она сама, миновали ее в обратном направлении, огибая озеро против часовой стрелки. Большой же частью она была на дороге совершенно одна. Если вам повстречается гризли — гид их группы предупреждала, что они здесь водятся, — застыньте неподвижно; если это будет бурый медведь — менее крупный зверь, без горба, — отчаянно сопротивляйтесь. Александра прислушивалась к дикой природе, но ничего не слышала, даже птичьего пения. Но озеро дружелюбно искрилось на солнце, отражая, словно в чуточку искривленном зеркале, дрожащее золото осин. По другую сторону озера, за лесом, открывались Скалистые горы, имевшие приятный цвет крыла сизой горлицы, — гигантский гео-

логический образец канадской сдержанности. Горы состояли из известняка, образовавшегося в результате отложения немислимого множества крохотных водяных обитателей, закованных в хрупкие панцири.

Их гид, Хайди, полная энтузиазма бывшая стюардесса, объяснила, что полтора миллиарда лет назад эта часть земного шара находилась рядом с западным побережьем того, что теперь составляет Северную Америку, образуя покатый край континентальной плиты. Осадочные породы, приносимые ныне исчезнувшими мезозойскими реками, накапливались, спрессовывались, а двести миллионов лет назад произошло изменение направления дрейфа плиты, в результате чего гигантские пласты отвердевших осадков смялись в складки, которые нагромодились друг на друга наклонными рядами и вздыбились острыми пиками на первый взгляд неподвижных гор, впоследствии обточенными и выщербленными ветром и размывающими ледниками. Во все это — в изменение направления континентального дрейфа, в скалы, словно плоские макароны, складывающиеся в складки в горячих земных печах, — было так же трудно поверить, как в большинство фантастических религиозных догм, но все это спокойно укладывалось в голове любого здравомыслящего человека в современном мире. Груз очевидности непрерывно накапливался, как защитные панцири тех крохотных существ, которым так же хотелось жить, которые так же много о себе полагали и которые оказались в конечном счете такими же ничтожными, как она. Собственное отношение к Природе всегда ставило Александру в тупик; она воспитывалась на Природе, училась у нее, она сама была ею, и тем не менее было в ней нечто еще, нечто другое, что заставляло бояться Природы и ненавидеть ее.

На особо безлюдном отрезке дороги она заметила весьма крупное существо, двигавшееся ей навстречу. Сердце у нее подскочило, и в голове промелькнула мысль: пусть это будет гризли, а не бурый медведь, тогда единственное,

что ей придется сделать, — это замереть на месте. Она была слишком стара и слаба для «отчаянного сопротивления». Существо обернулось высоким широко шагающим мужчиной, полуюзжанином с меланхолическими усами, прямой спиной и в синей клетчатой рубашке с длинными рукавами. Звали его Уиллард Макхью, и приехал он из окрестностей Нэшвила — вот все, что он ей о себе рассказал. Но сейчас, стараясь не сбиться с шага, он лишь формально-дружелюбно кивнул ей на ходу.

Она тоже не была склонна останавливаться. Это могло показаться неприличным: слишком углублены они были в Природу. Он робел, она тоже. Природа в некотором роде обожгла их обоих. Хайди объясняла им, что, для того чтобы раскрылись слепленные смолой шишки дугласской пихты, нужен огонь. Воистину чудовищно, с каким спокойствием Природа приспосабливает жестокость для своих нужд; Природа любит жестокость и нуждается в ней до такой степени, что зрители канадских национальных парков ввиду отсутствия в последние семьдесят лет достаточного количества естественных лесных пожаров сами разводят их, чтобы стимулировать воспроизводство леса и способствовать его биологическому разнообразию. Разнообразию. Почему все мы так уверены, что это благо, между тем как именно однообразие позволяет чувствовать себя комфортно?

Размышляя о подобных фундаментальных проблемах и о том, как сверхъестественно судьба свела ее в этом путешествии со вторым физическим воплощением Джима, Александра пропустила поворот на короткую дорогу до гостиницы, через парковку. От досады и волнения она так вспотела, шагая вдоль длинного берегового серпантина, оснащенного столами для пикников и многочисленными контейнерами для мусора, еле-еле призывавшими ее не загрязнять Природу, а, напротив, обращаться с ней бережно, что пришлось еще раз принимать душ, чтобы прилично выглядеть за завтраком.

На следующее утро около одиннадцати она стояла озябшими ногами на леднике Атабаска, вновь лицом к лицу с Природой. Автобус, направившийся на юг мимо озера Луиза, сделал здесь запланированную остановку. Колумбийские ледяные поля, замкнутые в чашу, образованную пиками, окружавшими Континентальный разлом, протягивали через ущелья между горами свои многочисленные широкие ледовые руки, среди которых Атабаска был самой удобной для прокладки шоссе. Огромные машины на толстенных колесах, управляемые юнцами и называвшиеся «ледоходами», свезли туристов вниз по склону пропасти «под максимально возможным для автомобиля углом», как сообщали в микрофон мальчишеские голоса. Александра и ее спутники послушно встали с кресел и потащились дальше вниз, ожидая увидеть чудеса. Александра готовилась к встрече с миром необитаемой чистоты, но ледник был таким же закопченным, как городские улицы, только идти по нему было труднее. Лед оказался грязным, разъеденным и изобиловал ямами. Под его скользкой поверхностью слышалось журчание. Хоть лето закончилось, таяние продолжалось и делало хождение предательски опасным. Александре мало что было известно о старости — подумать только, с каждой прожитой секундой ты становишься старше, чем была когда-либо до сих пор, — но одно она знала точно: нельзя ломать шейку бедра. Много лет назад она видела по телевизору интервью с профессиональным танцовщиком, и тот сказал о своих партнершах: «Однажды упав и сломав бедро, они возвращаются в танцзал — ради компании, ради воспоминаний, — но бедняжки уже никогда не смогут танцевать». Не то чтобы они с Джимом много танцевали — разве что время от времени в выходные на площади, да и то лишь в начале своего брака, когда все было им внове и они были готовы почти на все. Ей нравились притопывания, покачивание из стороны в сторону и мимолетные прикосновения чужих рук, как во время ночного ведьмовского шабаша, но женщины Нью-Мексико

с их пышными начесами, с разлетающимися, надувающимися, как паруса, юбками и мужчины с их двухцветными тупфлями и галстуками «боло» на нефритовых или бирюзовых зажимах, сурово сконцентрированные на голосе распорядителя, перекрывающем звучание скрипок, в конце концов опротивели ей. Они были банкирами и подпитывали торговцев, выступавших под видом скотников; от них исходил дух замаскированной фальши — буржуазия в действии. К тому же хромая нога Джима после танцев несколько дней давала о себе знать. Так что от танцев на площади пришлось отказаться. Отказываться от чего-то вполне отвечало желаниям Александры, взывало к ее внутреннему ведьмовству. В жизни было столько ненужной и избыточной суеты. По сути, самое жизнь с набиванием желудка и размножением была упражнением в излишествах. Рак.

В обязанности водителя автобуса входило обаятельной скороговоркой произносить следующий изящный текст: «Друзья, это специальный ледовый автобус, мы называем их „ледоходами“. Расслабьтесь — мы подсчитали, что более половины этих автобусов возвращаются целыми и невредимыми с большинством пассажиров на борту». Раздался дружный нервный смех. Они нырнули в пропасть, а потом по наклонному льду съехали до остановки, где встали в ряд с другими «ледоходами». Водитель продекламировал в микрофон:

— Один из самых распространенных вопросов, который нам задают: «Почему лед такой грязный?» Дело в том, что ледник образуется из снега, метровый пласт его спрессовывается в слой льда толщиной один-два сантиметра. Как вам уже известно, любая снежинка и любая капля дождя формируется вокруг микроскопической частицы грязи из воздуха. Снег тает, а грязь остается.

Было ли это известно Александре? Значит, каждая снежинка и каждая капля дождя нуждаются для своего существования в зародыше из грязи? Достаточно ли грязи в небе на всех? А что, если небесная грязь иссякнет? И еще эта канадская тема компрессии — не она ли, компрессия, давит

ей на грудь по ночам? Если все — снег, отложения, скалы — продолжает спрессовываться, почему мир не становится тяжелее и меньше, пока не превратится в черную дыру? Это был вопрос из тех, какие она прежде задавала Джиму, тот никогда не смеялся над ней и всегда пытался найти ответ, исходя из своих практических знаний. Мужчины, невзирая на все свои подавляемые страсти, обладают этим качеством: ясным представлением о причинах и следствиях, практичным желанием быть рассудительным. Женщины любят их за это.

Она огляделась в поисках долговязого замкнутого мужчины из Нэшвила, но их группа смешалась с несколькими другими, и все вокруг выглядели незнакомыми — силуэты на фоне ледяного сияния, как те космические существа, которые возникают из света в «Ближних контактах третьей степени»¹. Далеко вверху, над склоном ледника, она видела окутанную туманом стену горного хребта и длинный язык замерзшего водопада. Стадный инстинкт призраков ледника подстегивал, шаркая, заскользить туда и слепо, словно идущая на нерест рыба, двигаться вверх по застывшему потоку, если бы не ряд красных дорожных конусов и знак, запрещающий проход. Столкнувшись с таким ограничением, туристы, осторожно ступая, кружили на месте — темные пятна на льду, похожие на скопления колышущейся грязи. Японцы из других групп объединились, чтобы сделать коллективные снимки.

Знакомая пара азиатов-коротышек с улыбкой подошла к Александре с предложением сфотографироваться вместе.

— Освещение просто верикорепное, — сказала женщина, наведя на нее видоискатель фотоаппарата для пробы.

— Ноги замерзри! — воскликнул ее муж, указывая вниз и широко улыбаясь.

Александра сфотографировалась с супругами по очереди, обнимая их за плечи. Опора на эти компактные тела

---

¹ «Ближние контакты третьей степени» — фильм Стивена Спилберга.

с низко расположенным центром тяжести ослабляла ощущение опасного балансирования на острие. Слева от них глубокая расщелина сдерживала поток талой воды, которая пробила себе русло далеко вниз, в губительные изогнутые провалы, тронутые светящейся лаймовой зеленью. Если бы на Александру нашло затмение, она сделала бы несколько шагов и, не удержавшись, соскользнула в это журчащее ущелье; никому из окружающих не достало бы ни храбрости, ни сил выудить ее оттуда. Вот почему люди не путешествуют в одиночку: чтобы обезопасить себя от собственного безумия. Спутники, какими бы случайными они ни были, заставляют нас фокусировать внимание на беспокойной коняге жизни. Все мы раскачиваемся на самодельном веревочном мосту, который общество подвешивает над ущельем.

Как только дрессированные туристы снова очутились в своем специальном автобусе на гигантских шинах, парнишка-водитель начал посмеиваться над их страхом смерти:

— Итак! А теперь, друзья, мы собираемся предпринять попытку взобраться на этом приспособлении обратно вверх под тем же невысказанным углом. Как я уже говорил, шансы близки к равным: пятьдесят на пятьдесят. Вы все должны мне помочь, задержав дыхание. Веселей, веселее!

Идиотизм, конечно, но все, включая Александру, шумно вдохнули и не выдыхали до тех пор, пока автобус не вскарабкался по склону и не припарковался на засыпанной галькой грязной стоянке.

— Друзья, мы сделали это! — объявил парнишка с почти американским произношением. — Когда выйдете из автобуса, посмотрите направо, на маленькую пирамидку из камней вон там, далеко, по ту сторону Ледникового шоссе. Ею отмечена граница, которой ледник Атабаска достигал в тысяча восемьсот семидесятом году. С тех пор он отступил на один и шесть десятых километра. Для добрых друзей, живущих по ту сторону нашей южной границы, где еще не примкнули к метрической системе, объясняю: это без самой малости миля. Приезжайте снова лет через сто три-

дцать, дамы и господа, и вам посчастливится увидеть здесь цветущую калину.

Александра мысленно представила себе мир без ледников: все горные склоны обнажены, долины мокнут и размываются водными потоками, прибрежные города поглощены поднявшимся морем, в тундре на севере Канады колосится пшеница, а американский Средний Запад превратился в пустыню, на которой с воздуха можно различить лишь едва заметные штрихи старых фермерских дорог.

В вестибюле отеля на озере Луиза в рамках висели фотографии местных пейзажей, какими они были около 1900 года, когда «Канадиан пасифик» заменила первые бревенчатые шале деревянным шато в викторианско-тюдоровском стиле, вмещавшим сотни гостей. На снимке, сделанном с передней террасы, за озером расстилается обширный ледник на горе Виктория, от которого нынче остался лишь малый огрызок. Александра обнаружила, что здесь невозможно обойти вокруг озера, как в Джаспере, потому что, прошагав вдоль берега около мили, уткнулась в завал из камней и поваленных деревьев; оставалось либо идти по верхней тропе до «уютного чайного домика» и «миниатюрного и живописного Зеркального озера», либо поворачивать назад, к необъятному шато. Она повернула назад, бдительно озирая окрестности: не появятся ли бобры, которые, если верить развешанным повсюду предупреждениям, здесь водились, но не увидела ни одного. Дорога была запружена постояльцами отеля включая детей и людей в инвалидных колясках. Ее не слишком испугало, когда в ранних сумерках человек из Нэшвила, незаметно подойдя сзади, умерил шаг, чтобы идти с ней в ногу. Начинается, подумала она, не очень отчетливо представляя, что именно «начинается». Она знала, что люди всегда замечают, когда замечают их. Совпадающие колебания аура приводят к столкновению тел. Зазвучавший в ее ушах голос был сахарным от южной куртуазности — печальная музыка побежденных.

Оглавление

I. Возрожденный шабаш	7
II. По следам былой ворожбы	119
III. Утоленная вина	237

Литературно-художественное издание

ДЖОН АПДАЙК
ИСТВИКСКИЕ ВДОВЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Валерий Камендо, Татьяна Бородулина

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.08.2016. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 18,48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAUM1781101R